

УДК 1(091):930.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.173

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ К. СКИННЕРА: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются представления К. Скиннера – одного из самых известных представителей интеллектуальной истории Кембриджской школы. Отмечается, что для Скиннера любое осознанное высказывание подразумевает под собой не только определенный смысл, но и иллокутивную силу, понимание которой эквивалентно пониманию основных намерений, двигавших автором текста. Указывается, что истинное историческое понимание, по Скиннеру, состоит в изучении намерений автора текста посредством анализа лингвистического контекста.

***Ключевые слова:** интеллектуальная история, речевой акт, понимание, иллокутивная сила, язык.*

В центре внимания К. Скиннера, представителя Кембриджской школы интеллектуальной истории, стоят проблемы интерпретации исторических текстов, изучения формирования и изменения идеологии, анализ отношений идеологии и политического действия. Вполне обоснованной выглядит позиция Д. Талли, сводившего методологию Скиннера к ответам на пять вопросов: (а) Что делает или делал автор, когда писал свой текст, по отношению к другим доступным текстам, составляющим идеологический контекст? (б) Что делает или делал автор, когда писал свой текст, по отношению к наличным и проблематичным политическим действиям, составляющим практический контекст? (с) Как следует идентифицировать идеологии, а также исследовать и объяснять их формирование, критику и изменения? (г) Какая связь между политической идеологией и политическим действием позволяет лучше всего объяснить распространение определенных идеологий и какое влияние это оказывает на политическое поведение? (д) Какие формы политической мысли и действий вовлечены в распространение и конвенционализацию идеологических изменений? [14, р. 8]. Другие исследователи отмечали, что контекст для Скиннера носит прежде всего не идеологический, а лингвистический характер, и вполне обоснованно характеризовали его подход как лингвистический контекстуализм [2], выражаемый в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий контекст, который может быть понят только с позиции языка, доступного авторам. Язык выступает при этом и как структурное условие, которое ограничивает действия конкретного автора, и как ресурс для действия, обеспе-

чивающий автора различными возможностями [3]. Данный подход позволяет увидеть, как мы «захвачены» собственным специфическим языковым контекстом, и понять, что наши концепции не являются самоочевидными интерпретациями реальности [4]. Поскольку лингвистический контекст состоит из унаследованной культуры и традиций политического мышления, преобладающих в данном обществе, автор действует только в рамках словарей, устанавливаемых специфическим языковым контекстом. Значения слов и высказываний варьируются в зависимости от того, в каком историческом и лингвистическом контексте используется утверждение [6].

Общая направленность работ Скиннера определяется позицией Л. Витгенштейна, согласно которой язык представляет собой интересующее множество инструментов, применяемое для различных целей, а некоторые его элементы открыты для субъективной критики, модификации и изменения. Разделяя позицию, озвученную в «Философских исследованиях», – *слова есть также действия*, Скиннер объединяет общую лингвистическую прагматику Витгенштейна с теорией речевых актов, разработанной Дж.Л. Остином. Его внимание привлекла следующая позиция: понимание утверждений предполагает схватывание не только значения данного высказывания, но также и предполагаемой иллокутивной силы [11, р. 47]. Чтобы проиллюстрировать уточнения Остина, внесенные в предложенный Витгенштейном анализ, Скиннер предлагает следующий пример. Полицейский видит на пруду фигуриста и говорит: «Там очень тонкий лед». Полицейский произносит что-то, и эти слова что-то значат. Чтобы понять происходящее, с одной стороны, нужно знать значение слов. Но, с другой стороны, также необходимо знать, «что полицейский делал при помощи того, что он сказал». Например, полицейский мог предупредить фигуриста, и в этом случае высказывание могло быть произнесено с иллокутивной силой предупреждения. При этом он мог спровоцировать некоторые (перлокутивные) последствия своих слов, например, возможно, ему удалось убедить, напугать или просто развлечь фигуриста. «Как всегда подчеркивал Остин, говорить с определенной иллокутивной силой – это обычно совершать действие определенного рода, совершить определенный акт, осуществить намеренное и осознанное действие» [9, р. 275]. Иллокутивное измерение языка и осуществление иллокутивных актов связаны между собой намерениями действующего субъекта.

В эссе «Мотивы, намерения и интерпретация», опубликованном в первом томе «Видений политики», Скиннер обращается к анализу «значения», стремясь понять, какое внимание необходимо сосредоточить на изучении мотивов и намерений авторов в целях интерпретации того, что написано. Он выделяет три возможных подхода к определению «значения» текста. Значение-1 эквивалентно ответу на вопрос «Что означают слова или что означают определенные конкретные слова или предложения в данном тексте?». Подобные установки стоят в центре литературной крити-

ки, сконцентрированной на изучении «текстового значения», а не предполагаемых намерений тех, кто изначально написал их. И именно о значении-1 говорил Деррида, говоря о невозможности его восстановления. Недоступность таких значений проистекает из того факта, что термины, которые используются для обозначения вещей, не только не позволяют сделать это однозначно, но и отходят от того, что предположительно обозначается, пока не перейдут в состояние «свободной игры» [12, р. 91]. Значение-2 подразумевает ответ на вопрос «Что этот текст значит для меня?». Именно к нему обращаются представители «Новой критики», когда говорят об изучении «структур содержания» и необходимости сконцентрироваться на оценке их воздействия на читателя. На значении-2, по мнению Скиннера, был сосредоточен П. Рикер, допускавший, что тексты вполне могут иметь первоначальные смыслы, но подчеркивавший, что с течением времени, а также из-за многозначных и метафорических особенностей языка любой текст приобретет автономное пространство, которое больше не оживляется замыслом его автора. Его основное предложение состояло в том, что интерпретаторы должны концентрироваться на этих меняющихся значениях текстов, а не на том, что первоначальные авторы намеревались приписать тексту [12, р. 92].

Существует также и значение-3, отвечающее на вопрос «Что автор имеет в виду, когда говорит что-либо, или что автор хочет сказать своим текстом?». Подобное значение имеют в виду У. Уимсетт и М. Бердсли, стремясь понять, что мог вкладывать в эту фразу автор или что он имел в виду, когда придавал ей именно такое звучание. Чтобы проиллюстрировать значение-3, Скиннер обращается к известному примеру, приведенному Деррида, об отрывке, обнаруженном среди бумаг Ницше, где было написано: «Я забыл свой зонтик». «Как отмечает Деррида: все знают, что означает фраза “Я забыл свой зонтик”, однако мы все еще остаемся без каких-либо средств для восстановления того, что Ницше, возможно, имел в виду, когда писал это, и вполне возможно, что он вообще ничего не имел в виду» [12, р. 92].

Для Скиннера очевидна необходимость обращения к изучению намерений автора текста, и он начинает свое доказательство от обратного, рассматривая основные аргументы противников подобного. В этой связи возможно выделить две линии аргументации. Первая связывается с утверждением, что, даже если возможно обнаружить биографическую информацию об авторе, интерпретаторы не должны допускать того, чтобы подобная информация каким-либо образом влияла или искажала восприятие произведения. Для Скиннера подобные утверждения представляются достаточно спорными. Хотя вполне возможно, что знание мотивов и намерений писателей не имеет отношения к выяснению значения, из этого не следует, что они не играют никакой роли в определении отношения к произведению. Знание о мотивах и намерениях подразумевает под собой знание отношения автора к тому, что он написал, понимание фактов различ-

ного рода, к примеру, шутил он или был серьезен, какие речевые действия он мог совершать, фиксируя написанное. Вполне возможно, что знание, скажем, о том, что некий писатель в значительной степени руководствовался завистью и обидой, ничего не сообщит о «смысле» произведений, но будет играть роль в интерпретации [12, р. 96].

Выделенная Скиннером вторая линия аргументации противников изучения мотивов и намерений проистекает из двух фактически несовместимых утверждений. Одно из них можно сформулировать следующим образом: причина, по которой критикам не следует обращать внимание на такие факторы, заключается в том, что мотивы и намерения писателей следует искать «внутри» их текстов, а не отдельно от них, и, следовательно, они не нуждаются в отдельном рассмотрении. Критически рассматривая подобную позицию, Скиннер обращается к философии языка, отмечая перлокутивные намерения, содержащиеся в тексте. С одной стороны, исследователь может стремиться узнать, была ли у автора конкретная цель, например, сформировать какое-то определенное восприятие или реакцию. С другой стороны, в центре исследования могут стоять иллокутивные намерения писателя, и основным вопросом в этом случае будет следующий: на какой эффект рассчитывал автор в процессе написания своего текста. Это подводит Скиннера к утверждению об отношениях между намерениями писателя и смыслом текста. «С одной стороны, я признаю, что перлокутивные намерения писателя (то, что он мог иметь в виду, написав определенным образом) не нуждаются в дальнейшем рассмотрении, поскольку вопрос о том, было ли произведение задумано автором для того, чтобы вызвать у читателя грусть и печаль, по-видимому, едва ли может быть разрешено, исходя единственно из самого текста и возможных заложенных в нем намеков на его предполагаемое восприятие. С другой стороны, восстановление иллокутивных намерений писателя (то, что он намеревался достичь, когда писал определенным образом) требует отдельной формы исследования, направленного на достижение основной цели критика – понять смысл произведения» [12, р. 99].

Другое утверждение, по сути, не совместимое с первым, заключается в том, что мотивы и намерения находятся вне произведений писателя, следовательно, не являются частью их структуры, поэтому исследователь не должен обращать на них внимания. В поддержку данного утверждения обычно выдвигаются три аргумента. Во-первых, мотивы и намерения просто невозможно восстановить, поскольку они личные по своему характеру и к ним невозможно получить доступ. Для Скиннера подобные тезисы правдоподобны только при игнорировании того, в какой степени намерения, воплощенные в любом успешном акте коммуникации, должны быть публично понятными. «Предположим, что я понимаю, что человек, размахивающий руками на соседнем поле, не пытается отогнать муху..., а предупреждает меня, что бык вот-вот нападет. Прийти к пониманию того, что он меня предупреждает – значит понять намерения, с которыми он дей-

ствует» [12, р. 97]. Следовательно, необходимо понять, что размахивание руками можно расценивать как предупреждение и что именно эта условность используется в данном конкретном случае. Следуя за позицией К. Гирца, согласно которой идеи – это «заключенные значения», которые «не выступают как ненаблюдаемые ментальные вещества», Скиннер отмечает, что намерения распознаются публично и не являются частными объектами, к которым никто не может получить доступ. Во-вторых, даже если все-таки возможно обнаружить мотивы и намерения, такая информация может послужить предпосылкой для возникновения шкалы или стандарта для измерения ценности литературного или философского произведения, и, по словам Уимсетта и Бердсли, знание о намерениях автора «нежелательно как критерий оценки успешности художественного произведения. Подобные убеждения также кажутся Скиннеру ошибочными, и, следуя за Ф. Чоффи, он отмечает, что писателю определенно не стоит уверять критика, что он намерен создать шедевр. В-третьих, хотя и возможно восстановить мотивы и намерения писателя, такой тип информации не представляет никакой ценности для интерпретации текста. Данная позиция кажется Скиннеру отчасти корректной, поэтому он предлагает дифференцировать мотивы и намерения и утверждает, что мотивы автора действительно можно рассматривать как находящиеся «вне» его произведений, поскольку они подразумевают под собой обстоятельства и условия, предшествующие написанию произведения или связанные с ним. Намерения же обозначают либо обращение к плану или замыслу конкретного произведения (намерение создать X), либо рассмотрение конкретного текста подобным способом (как воплощение намерения создания X). Рассматривая подобную позицию, М. Холлис задается вопросом, каким образом Скиннер может избежать объяснения мотивов. Основная идея Скиннера состоит в том, чтобы рассматривать осмысленное действие как текст, который, будучи истолкован с помощью аппарата выражений, иллюкуций и перлокуций, предполагая, что он был произнесен рационально, будет являться собственным объяснением. Мотивы не столь важны для объяснения, поскольку рациональность субъекта подразумевает под собой достижение намерений: если субъект разумен, то мотивы, которые заставили бы его действовать иначе, исключаются. Для Холлиса подобное описание является непоследовательным, поскольку, во-первых, если у субъекта действия есть более чем один возможный мотив, из этого не следует, что вопрос о мотиве решен. Во-вторых, из того факта, что два возможных мотива приводят к одному и тому же действию, не следует, что объяснение может продолжаться без осуществления выбора между ними. Знать, что человек действовал так, как он действовал, означает знать, как он действовал бы в других условиях, например, когда эти мотивы побудили бы его идти другим путем [7, р. 140].

Другой вопрос, который интересует Скиннера, это то, каким образом намерения будут соотноситься с содержанием понятия «значения» в

отношении творчества автора. При обращении к значению-1 и значению-2 понимание намерений вряд ли будет иметь отношение к пониманию произведения. Значение-3 дает возможность установить тесную связь между намерениями авторов и смыслами их текстов, поскольку понимание намерений будет не просто соотноситься с пониманием значений написанного, а являться эквивалентным ему. Тем самым достижение «понимания» этих намерений эквивалентно пониманию природы и диапазона иллокутивных актов, которые писатель мог осуществить в письменной форме определенным образом. Выявить эти намерения – значит понять природу и характер иллокутивных актов, которые автор, вероятно, осуществлял, когда писал именно так, а не иначе, что подразумевает характеристику предполагаемых действий автора: намеревался ли он оспорить или отстаивать определенную линию аргументации, критиковать или способствовать сохранению определенной традиции дискурса [12, p. 100–101].

Предвидя возможные критические замечания, Скиннер представляет несколько уточнений. Он не поддерживает радикальную контекстуалистскую позицию, согласно которой «окончательный критерий правильности» интерпретации можно определить только путем изучения исходного контекста, в котором произведение было создано. Его интересует другой момент: всё, что автор делает в своем тексте, должно иметь значение для интерпретации, следовательно, одной из задач, стоящих перед исследователем, должно быть восстановление намерений автора, которыми он руководствовался при создании текста. Однако из этого не следует, что исследователь должен принимать заявления, которые делают авторы относительно собственных намерений, как наиболее авторитетные. «Субъект действия, несомненно, находится в привилегированном положении при характеристике своих намерений и действий, но вполне возможно, что автор может не полностью понимать свои намерения, или может обманывать себя, или может быть некомпетентен в их изложении» [10, p. 1–2]. Кроме того, для Скиннера любые попытки утверждения о том, что необходимо рассматривать истинность или рациональность изучаемых убеждений для того, чтобы объяснить, почему они были приняты, являются некорректными, поскольку вопрос о том, во что рационально верить, зависит в значительной степени от природы убеждений и картины мира. Тем самым «рациональным действующим лицом будет тот, чьи суждения состоят в некотором отношении с самим порядком формирования суждений» [10, p. 1–2]. Подобные утверждения кажутся сомнительными для ряда критиков идей Скиннера. К примеру, Д. Фемиа утверждает, что объяснение с точки зрения намерений авторов, далекое от исторической формы объяснения, является препятствием для изучения чего-либо ценного и несовместимо с традицией историзма [5]. Интересен и ряд критических замечаний в адрес Скиннера, сформулированных Дж. Кином. Во-первых, Скиннер ошибочно отождествляет понимание текста с пониманием намерений автора при его написании, игнорируя тем самым возможности языка текста.

Во-вторых, сама идея непредписывающего и описательного «исследования» (которое Скиннер разделяет с Витгенштейном и Фуко) основана на устаревшем позитивистском подходе, связанном с заблуждениями относительно восстановления смысла, и должна быть заменена идеей (первоначально развитой в библейской герменевтике) диалога согласований и слияния горизонтов между интерпретатором и автором. В-третьих, Кин утверждает, что метод Скиннера не критичен и поэтому направлен на укрепление отношений власти и интересов, чего и следует избегать, поскольку наиболее привлекательным для Кина является наличие множества перспективных повествований о прошлом [8].

Холлис отмечал, что идея рациональности действующего субъекта не всегда может быть применена при формировании исторических объяснений. К примеру, историю британского профсоюзного движения нельзя объяснить подобным образом. Члены организации, особенно лидеры, брали на себя все риски и трудности, в то время как льготы достались работникам в целом, следовательно, лидеры действовали иррационально с точки зрения затрат и выгод. Поэтому закономерным вопросом является интерпретация совместных действий, осуществление которой, если следовать методологии Скиннера, вряд ли возможно, поскольку совместные действия никогда не являются рациональными для тех, кто в них участвует [7, р. 142–146]. И здесь следует более подробно обратиться к вопросу о том, что Скиннер понимает под рациональностью. Для него рациональность не подразумевает ничего частного или точного [13]. Когда он пишет о субъектах действия, обладающих рациональными убеждениями, он имеет в виду, что их суждения должны соответствовать обстоятельствам, в которых они находятся. Рациональное убеждение будет тем, к чему субъект пришел в результате общепризнанного процесса рассуждения и аргументации в соответствии с преобладающими нормами эпистемологической рациональности, которые дают ему веские основания полагать, что данное его суждение истинно [9, р. 239]. Рациональный субъект будет стараться выявлять и исключать все явные нарушения логики, однако говорить о наличии какого-то единого критерия и метода, выявляющего рациональные суждения, не вполне корректно. Кроме того, для Скиннера предлагаемые виды объяснений для тех утверждений, которые считаются рациональными, будут отличаться от видов объяснений утверждений, в рациональности которых интерпретатор сомневается. Но это не подразумевает того, что рациональные суждения сами себя объясняют, как утверждает Холлис. Когда Скиннер настаивает на необходимости задаться вопросом, является данное убеждение рациональным или нет, он основывается скорее на том, что разные случаи могут нести в себе различные сложности. «Если мы не начнем с вопроса о рациональности конкретного суждения, мы не сможем правильно определить, что именно должны объяснить, и, как следствие, вести свое исследование в нужном направлении. Если окажется, что убеждение было рациональным для субъекта, нам нужно будет исследовать

условия его достижения. Если бы такое утверждение было явно абсурдным, мы должны будем изучить самые разные условия, которые могли воспрепятствовать или не дать субъекту руководствоваться принятыми нормами очевидности и здравого смысла или, возможно, побудили его бросить этим нормам вызов» [9, р. 241].

Примером последствий неспособности задать подобный вопрос для Скиннера является объяснение верований в колдовство, предложенное Ле Руа Ладюри в классическом исследовании «Крестьяне Лангедока». Ле Руа Ладюри подчеркивал, что верование в колдовство явно иррационально и являлось продуктом массового бреда, а причины для подобного «никогда не могли быть рациональными». По Скиннеру, цель Ле Руа Ладюри состояла в том, чтобы обнаружить объяснения нарушения нормального мышления, и основной вопрос состоял в том, как объяснить «такой подъем мракобесия, эпидемию патологических убеждений» [9, р. 242]. Частично ответ Ладюри заключался в том, что, с одной стороны, с развитием Реформации крестьянство стало опасаться утратить свою традиционную духовную помощь, а с другой стороны, крестьяне были глубоко подавлены крушением надежд на социальные перемены. После провала надежд на социальные изменения стремление крестьян изменить свою судьбу приняло «мифическое одеяние» и стало выражаться в «химерах и фантазиях шабаша ведьм, в попытке бегства при помощи демонических сил» [цит. по: 9, р. 242]. В данном объяснении Скиннера интересует и беспокоит исключительно тот факт, что, считая определенные суждения нерациональными, Ле Руа Ладюри не оставляет возможности рассмотреть другую версию объяснения, не может допустить, что крестьяне могли верить в существование ведьм в результате приверженности ряду других убеждений, с позиции которых подобные феномены выглядели бы логично. И самым простым предположением для Скиннера является следующее: «Крестьяне придерживались убеждения – широко принятого как рациональное в Европе XVI в. – что Библия представляет собой непосредственно вдохновенное слово Бога. Если бы это действительно было одним из их убеждений и если бы для них было рационально его придерживаться, то верхом иррациональности для них было бы отсутствие веры в существование ведьм. Ведь Библия не только утверждает, что ведьмы существуют, но и что колдовство – это мерзость и что ведьм нельзя оставлять в живых. Поэтому заявить о своем неверии в ведьм было бы равноценно выражению сомнения в истинности слова Бога. А что могло быть более опасно иррационально?» [9, р. 243]. Ле Руа Ладюри заранее исключал возможность того, что те, кто верил в ведьм, следовали за какой-либо подобной логической цепочкой. Это означает, во-первых, что он дает вере в колдовство объяснение, которое может оказаться совершенно не соответствующим действительности, и, во-вторых, он обходит ряд вопросов о духовном мире крестьян, на которые, возможно, необходимо обратить внимание, чтобы правильно понять убеждения и поведение.

Позиция Холлиса относительно того, что возможно доказать реальное существование объективной рациональности и соотносить с ней различные суждения, также кажется Скиннеру сомнительной. Если историк расценивает определенное суждение в определенном обществе как иррациональное, это суждение не должно опираться на мнимо объективный критерий того, что можно или нельзя считать рациональным. Историк может претендовать лишь на то, что установил, какие нормы господствовали в том или ином обществе, и констатировать, что рассматриваемый субъект не соответствовал общепринятым нормам эпистемологической рациональности [1, с. 178]. Чтобы понять, что какой-то автор пытался сделать, высказывая определенную идею или довод, необходимо разобраться, что обозначала конкретная идея в рамках трактовки конкретной темы в конкретный период времени. И именно способность охарактеризовать произведение подобным образом, способность оценить иллюкутивные акты эквивалентна пониманию того, какие значения автор вложил в текст.

Итак, каков же возможный метод восстановления иллюкутивных актов? Во-первых, необходимо сосредоточиться не просто на конкретном тексте, но и на господствующих конвенциях, определяющих трактовку вопросов или тем, которые затрагивал текст. Во-вторых, необходимо обратить внимание на картину мира писателя, сферу его подкрепляемых практическим опытом убеждений, что обусловлено наличием логической взаимосвязи между способностью приписывать определенные намерения субъектам действия и тем, что мы знаем об их убеждениях. Какие бы намерения ни имел автор, они должны быть конвенциональными в том смысле, что они должны быть распознаны как намерения отстаивать конкретную позицию в споре или же способствовать исследованию темы [12, р. 102]. Следовательно, для понимания того, что автор мог делать, используя ту или иную конкретную концепцию или аргументацию, необходимо рассмотреть природу и диапазон вещей, которые можно было бы осуществить, используя конкретную концепцию в определенный период времени. Другими словами, исследователь должен быть готов рассмотреть всё, что можно обозначить социальным воображаемым, представляющим собой полный спектр унаследованных символов и представлений, составляющих субъективность эпохи.

Таким образом, интеллектуальная история Скиннера, основанная на признании перформативности текстов и необходимости интертекстуального подхода к ним, подразумевает помещение текстов в интеллектуальные контексты и рамки дискурса, которые позволят понять, какие цели и намерения преследовали авторы при их создании. Для понимания текста необходимо рассмотреть его как комплекс языковых действий и таким образом восстановить то, что делал автор при его написании, – «позицию» или «силу» текста, помещая его в конвенционально управляемый лингвистический контекст. При этом речь не ведется о попытках проникновения в сознание давно ушедших мыслителей, он использует традиционные методы

исторического исследования для того, чтобы понять концепции, восстановить намерения и увидеть вещи так, как видели их предшественники.

Для Скиннера существует, по сути, два измерения языка. Первое он традиционно связывает со значением, изучением смысла и референций, предположительно приписываемых словам и предложениям. Другое описывает в терминах Остина – как измерение языкового действия, изучение ряда вещей, которые говорящие способны делать посредством использования слов и предложений. В то время как традиционная герменевтика обычно концентрируется на первом из этих измерений, Скиннер сосредоточивается на втором, утверждая, что любое осознанное высказывание подразумевает под собой не только определенный смысл, но и иллюкативную силу, понимание которой эквивалентно пониманию основных намерений, двигавших авторами, производившими высказывание.

Список литературы

1. Скиннер К. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 253–346.
2. Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation [Electronic resource]. URL: https://escholarship.org/content/qt3rx2x6jv/qt3rx2x6jv_noSplash_1ed82de1cdda83d5159b849525a5ade6.pdf (accessed: 26.09.2023).
3. Bourke R. The Cambridge School [Electronic resource]. URL: <https://www.qmul.ac.uk/history/media/ph/news/The-Cambridge-School.pdf> (accessed: 25.09.2022).
4. Edling M., Mörkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist [Electronic resource]. URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32837/31123pdf (accessed: 21.10.2023).
5. Femia J.V. An historicist critique of ‘revisionist’ methods for studying the history of ideas // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 156–175.
6. Havercroft J. Skinner, Wittgenstein and Historical Method [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/43263810> (accessed: 26.09.2023).
7. Hollis M. Say It with Flowers // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University, 1988. P. 135–146.
8. Keane J. More Theses on the Philosophy of History // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 204–217.
9. Skinner Q. A Reply to My Critics // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University, 1988. P. 231–288.
10. Skinner Q. Introduction: Seeing things their way // Visions of Politics. Volume I Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1–7.
11. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <http://people.exeter.ac.uk/sp344/-skinner%20meaning%20and%20understanding%20in%20hist%20ideas.pdf> (accessed: 24.08.2022).

12. Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation // Visions of Politics. Volume I Regarding Method. P. 90–102.
13. Tully J. Overview // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 3–6.
14. Tully J. The pen is a mighty sword: Quentin Skinner's analysis of politics // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 7–28.

Q. SKINNER'S INTELLECTUAL HISTORY: PROBLEMS OF UNDERSTANDING OF HISTORICAL TEXTS

V.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

The article deals with the Q. Skinner's conception, who is one of the most famous representatives of the intellectual history of the Cambridge School. It is noted that for Skinner, any conscious utterance implies not only a certain meaning, but also illocutionary force, the understanding of which is equivalent to the understanding of the main intentions stirred the author of the text. It is pointed out that true historical understanding, according to Skinner, consists of studying author's intentions through the analysis of the linguistic context.

Keywords: *intellectual history, speech act, understanding, illocutionary force, language.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г.Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Ass. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.02.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 20. 03.2024.